

Наброски изъ моей жизни¹⁾.

Вокончивъ съ казенною издательскою дѣятельностью и оставаясь по-прежнему только членомъ военно-ученаго комитета, гдѣ не предстояло ежедневной срочной работы, я думалъ, на что бы направить свою дѣятельность, кромѣ служебной обязанности. Но мнѣ не пришлось долго раздумывать потому, что въ началѣ уже 1869 года начальникъ главнаго штаба, графъ Гейденъ, во время засѣданія комитета обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

— Дмитрій Алексѣевичъ поручилъ мнѣ спросить васъ, не желаете ли вы поѣхать членомъ отъ военнаго министерства въ комиссію, которую предполагается послать на Амуръ и на Сахалинъ.

Такое неожиданное предложеніе отправиться съ какою-то комиссіею, о которой никто еще ничего не зналъ, меня не только что не смутило, но очень порадовало, и я, не задумавшись, отвѣчалъ:

— Поѣду куда угодно и буду очень радъ, если военному министру не вздумается почему-либо измѣнить моего назначенія.

— Если онъ назвалъ васъ, то уже конечно перемѣны ожидать нельзя. Готовьтесь.

— Но что же это за комиссія и кто ея предсѣдатель? спросилъ я.

— Предсѣдатель генераль-адъютантъ Сколковъ, а члены отъ другихъ министерствъ еще неизвѣстны.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, июль 1910 г.

Поводомъ къ назначенію комиссіи былъ всеподданнѣйшій докладъ генераль-губернатора Восточной Сибири о необходимости самыхъ коренныхъ измѣненій по всѣмъ отраслямъ управленій какъ гражданскихъ, такъ военныхъ и морскихъ.

Съ этою цѣлью въ составъ комиссіи вошли: отъ военнаго министерства я; отъ морского В. И. Поповъ, внутреннихъ дѣлъ В. Д. Карповъ, государственныхъ имуществъ Людоговскій, министерства финансовъ (горнаго департамента) Дейхманъ и Осиповъ отъ департамента удѣловъ.

Эта комиссія, образованная по Высочайшему повелѣнію, отправилась въ Сибирь въ концѣ апрѣля, а вернулась въ Петербургъ въ декабрѣ.

Въ теченіе почти 9 мѣсяцевъ она прошла на пароходѣ все теченіе Амура, останавливаясь для изслѣдованія почти въ каждой станицѣ и въ крестьянскихъ деревняхъ вплоть до Николаевска, была и на Сахалинѣ, а по возвращеніи зимою въ Иркутскъ приступила къ составленію всеподданнѣйшаго отчета, въ которомъ изложила весьма подробно общее положеніе Амурскаго края и указала на тѣ измѣненія, которыя необходимо привести въ исполненіе для дальнѣйшаго развитія этого богатаго, но мало населеннаго края. Комиссія старалась въ подробности изобразить этотъ край, начиная съ его характеристикъ.

Мысль о занятіи устьевъ Амура всецѣло принадлежитъ сибирскому начальству въ лицѣ сибирскаго губернатора Лавинскаго, управлявшаго Сибирью въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Но идея, полная государственнаго смысла, по обыкновенію нашла горячихъ противниковъ въ лицѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Къ счастью для Россіи Николай Павловичъ взялъ въ свои руки это дѣло и приказалъ снарядить для изслѣдованія особую экспедицію¹⁾, которая своими неумѣлыми дѣйствіями ввела въ заблужденіе Императора, написавшаго на докладѣ о ней: „Весьма сожалѣю. Вопросъ объ Амурѣ, какъ рѣкѣ бесполезной, оставить“.

Съ назначеніемъ сибирскимъ генераль-губернаторомъ Муравьева, картина рѣзко измѣняется. Къ уму и энергіи Муравьева присоединяется въ 1847 году умъ, энергія и гражданское мужество простого командира транспорта, назначеннаго для перевозки продовольствія изъ одного пункта въ другой. Этому командиру транспорта суждено было вмѣстѣ съ Муравьевымъ занять имя въ исторіи Россіи. Отправляясь въ плаваніе съ специально назначенною цѣлью, онъ имѣлъ въ виду совершенно другое—изслѣдованіе

¹ Барона Врангеля.

Амура. Много трудовъ, хлопотъ и энергій стоило ему, чтобы добиться полученія двусмысленной инструкціи, въ которой, однако, слово Амуръ было вовсе исключено. Но и эта двусмысленность, грозившая Невельскому въ случаѣ неудачи большою отвѣтственностью, не утратила доблестнаго моряка, который 12-го іюня 1849 года на транспортѣ „Байкаль“ былъ уже въ Татарскомъ проливѣ, пробиваясь между льдами, а 27 сталъ на якорь въ лиманѣ Амура. Вслѣдъ затѣмъ съ утра до ночи начались изслѣдованія устья, что было сопряжено съ величайшимъ трудомъ и опасностью. Результатомъ этого оказалось, что Сахалинъ, вопреки увѣренію прежнихъ мореходовъ оказался не полуостровомъ, а островомъ; что входъ въ Амурскій лиманъ доступенъ судамъ, для военныхъ судовъ, а фарватеры имѣютъ 12 и 15 ф. глубины.

Когда все это было добыто трудами Невельскаго и его экипажа, то гр. Нессельроде рѣшилъ возможнымъ обсуждать вопросъ объ устьяхъ Амура. Но и тутъ онъ проявилъ свою трусость. Собранный по этому поводу комитетъ онъ не смѣлъ назвать Амурскимъ, а назвалъ его Гиляцкимъ, а героя, положившаго начало присоединенія къ Россіи громаднѣйшей и богатѣйшей территоріи онъ совѣтовалъ Государю не только не награждать, но отдать подъ судъ и разжаловать въ матросы. Таковъ былъ русскій министръ иностранныхъ дѣлъ. Въ концѣ-концовъ Николай Павловичъ рѣшилъ оставить на Амурѣ въ Николаевскѣ военный постъ, заявивъ, что, гдѣ разъ поднять русскій флагъ, онъ уже спускаться не долженъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, Невельскій не только не былъ разжалованъ въ солдаты, но даже былъ награжденъ Владимірскимъ крестомъ.

Пріамурскій край, какъ извѣстно, состоитъ изъ двухъ областей: Амурской и Приморской, пространство въ точности неизвѣстно ни той, ни другой; длина же Амурской области по Амуру доходитъ до 1.697 верстъ. Эта обширная и весьма мало населенная страна, начинаясь отъ слиянія Шилки съ Аргунью, ограничивается въ главныхъ чертахъ Яблоновымъ хребтомъ, Ледовитомъ океаномъ до Берингова пролива, Восточнымъ океаномъ и Японскимъ моремъ. Понятно, что на такомъ огромномъ протяженіи, какъ рѣка Амуръ, такъ и самыя области представляютъ весьма разнообразный характеръ.

Начиная отъ Усть-Стрѣлки Амурскій берегъ стѣсненъ горами, подходящими во многихъ мѣстахъ къ самому рѣчному ложу, въ рѣдкихъ мѣстахъ горы эти отходятъ едва на полверсты отъ берега, образуя въ перпендикулярномъ направленіи къ рѣкѣ весьма узкія

долины, въ которыхъ только и возможно земледѣліе. Подобный характеръ имѣетъ Амуръ до устья Кумары. За устьемъ этой рѣки до Благовѣщенска общій характеръ мѣстности тотъ же самый, но только съ тѣмъ различіемъ, что горы отходятъ отъ берега нѣсколько далѣе; боковыя долины болѣе широки и встрѣчаются нѣсколько чаще.

За Благовѣщенскомъ лежитъ лучшая часть всего Амура; горы здѣсь удаляются отъ берега въ нѣкоторыхъ мѣстахъ верстъ на двѣсти; между русломъ рѣки и удалившимися горами лежитъ обширная степь, орошаемая на значительномъ протяженіи рѣками Зею съ ея притоками. Только эта мѣстность и удобна вполне для хлѣбопашества, которое здѣсь можетъ дойти до степени процвѣтанія. Но это пространство не такъ велико въ сравненіи со всѣмъ теченіемъ Амура. Не въ дальнемъ разстояніи за устьемъ рѣки Буреи начинается Хинганскій хребетъ, горы котораго, стѣсняя русло Амура, опять подходятъ къ самому берегу и образуютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ весьма узкія долины. Здѣсь хлѣбопашество не только не можетъ процвѣтать, но самое существованіе населенія поддерживается уже другимъ промысломъ—звѣринымъ.

За Хинганомъ между станицами Союзною и Головиною на протяженіи 269 вер. идетъ опять степная мѣстность; отсюда до Хабаровки мѣстность хотя степного характера, но низка и затопляется. Этотъ характеръ продолжается верстъ на двѣсти за Хабаровку, а затѣмъ начинаются горные хребты, подходя къ самому берегу, образуя узкія долины, лѣсистыя и болотистыя пространства до самаго устья.

Климатъ Приамурскаго края по преимуществу континентальный, отличающійся болѣе суровыми зимами и болѣе жаркимъ лѣтомъ, нежели климатъ соответствующихъ географической широтѣ мѣстностей Европейской Россіи. Эта характеристическая черта мѣстнаго климата выражается весьма замѣчательными отступленіями отъ нормальнаго распредѣленія растений и животныхъ. Такъ, напримѣръ, многія изъ произведеній растительнаго царства, свойственныхъ средней полосѣ Россіи, не достигаютъ на Амурѣ того развитія, котораго слѣдовало бы ожидать по географическому положенію мѣстности, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ той же самой мѣстности и рядомъ даже съ хвойными лѣсами находятся въ дикомъ состояніи представители флоры и болѣе теплыхъ поясовъ, какъ, напримѣръ, дикая виноградная лоза и пробковое дерево. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что ягоды виноградныхъ лозъ рождаются на Амурѣ мелкими и кислыми, а пробка весьма рыхлая и вообще дурного качества.

Что же касается болѣе теплыхъ мѣстностей—часть Амурской

области, между Благовѣщенскомъ и Хабаровкою, отъ Хабаровки до Софійска, Уссурійскій и Южно-Уссурійскій край, то здѣсь климатъ позволяетъ воздѣлывать болѣе нѣжныя растенія, какъ сахарная свекловица.

Почва Амурской области въ однихъ мѣстахъ степная, въ другихъ, а именно въ береговыхъ долинахъ—лѣсная, трудно поддающаяся расчисткѣ, а отъ этого условія зависить успѣхъ колонизаціи. Трудность расчистки имѣетъ прямымъ послѣдствіемъ то, что переселенцы не въ состояніи подготовить подъ пашню пространство земли, необходимое для продовольствія ихъ семействъ. Вслѣдствіе этого, новое населеніе впадаетъ въ нужду и для своего прокормленія нерѣдко прибѣгаетъ къ продажѣ орудій своего производства, преимущественно скота.

Къ числу неудобствъ Амурской области необходимо отнести частую затопляемость; однѣ мѣстности затопляются при каждомъ половодіи, другія во время слишкомъ высокой воды; наконецъ, есть мѣстности совершенно безопасныя отъ наводненій. Къ послѣднимъ принадлежатъ степныя пространства Благовѣщенскаго района и земли Южно-Уссурійскаго края.

Первая причина затопляемости заключается естественно въ томъ, что первоначально при выборѣ мѣстъ подъ поселенія руководились условіемъ, чтобы выбираемое мѣсто представляло менѣе препятствій и требовало по возможности менѣе труда. Понятно, что подобнымъ условіямъ удовлетворяли мѣста, если не низменныя, то, по крайней мѣрѣ, весьма не высокія, поросшія по большей части не густымъ кустарникомъ. Такія мѣста въ особенности, если они находились въ устьѣ рѣчки, впадающей въ Амуръ, въ полную воду затоплялись и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ огороды и даже пашни по необходимости переносились подалѣе отъ берега, и кустарникъ расчищался позади деревни до самаго лѣса. Расчистка кустарника довела хозяйство до того, что нѣкоторые хозяева во время пребыванія на мѣстѣ комиссіи имѣли уже болѣе десяти десятинъ. Дальнѣйшее хозяйство, понятно, потребовало расчистки уже не кустарника, а лѣса, что сопряжено съ большимъ трудомъ. Поэтому начали заявлять желаніе переселиться на новыя мѣста, при чемъ всегда рассчитывали, если не на денежную помощь, то по крайней мѣрѣ на нѣкоторое правительственное содѣйствіе къ переселенію, какъ, на примѣръ, на даровую перевозку на пароходахъ и т. п.

Вся оборона Пріамурскаго края до 1869 года лежала на шести батальонахъ, одной крѣпостной командѣ, пяти постовыхъ командахъ, одной сотнѣ и одной ротѣ крѣпостной артиллеріи, горнаго дивизиона и горнаго взвода на Сахалинѣ. Въ численномъ отношеніи это была

ничтожная сила, особенно въ виду постоянной разницы между списочнымъ и наличнымъ составомъ войскъ. До какой степени эта разница была велика, можно судить по тому, что во время пребыванія въ край комиссiи въ линейномъ № 3 батальонѣ изъ числящихся по списку 6.407 было на лицо только 1.497 человекъ.

Причина этой разницы между списочнымъ и наличнымъ составомъ батальоновъ, главнымъ образомъ, зависѣла отъ того положенія, въ которое были поставлены войска въ Приамурской области. Занявъ край совершенно новый, вовсе лишенный рабочихъ рукъ, войска, по необходимости, кромѣ охраны края должны были нести на себѣ такія заботы и обязанности, которыя вовсе неизвѣстны войскамъ, расположеннымъ въ другихъ частяхъ имперiи.

Все то, что до прибытiя комиссiи, то есть до 1869 года, построено въ Благовѣщенскѣ, Хабаровкѣ, Софiйскѣ, Марiинскѣ, Николаевскѣ, въ де-Кастро, во Владивостокѣ, Посѣетѣ, въ Никольскомъ и на Камнѣ-Рыболовѣ, есть результатъ трудовъ войскъ, которыя кромѣ того построили всѣ дороги, сдѣлали телеграфныя просѣки, служатъ ящиками на почтовыхъ трактахъ, ловятъ и заготавливаютъ рыбу для продовольствiя и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разрабатываютъ каменный уголь.

Понятно, что при такихъ трудахъ военное образованiе войскъ не могло быть высоко. И дѣйствительно исключенiе составляла только артиллерiя на границѣ въ Новокiевскомъ урочищѣ.

Въ особенности въ крайне плохомъ положенiи находились всѣ постовыя команды. Здѣсь не только хромало военное образованiе, но и все остальное было въ невозможно плачевномъ положенiи. Вслѣдствiе большого расхода людей постройка одежды почти никогда не оканчивалась въ срокъ, почему обмундированiе, можно сказать, находилось въ самомъ безобразномъ видѣ. На смотрѣ генерала Сколкова люди выходили на половину въ сапогахъ и въ старой истрепанной форменной одеждѣ.

Постовая команда на Камнѣ-Рыболовѣ, осмотровiнная мною, вышла частью въ лаптяхъ, другая часть въ изорванныхъ шинеляхъ; а остальные въ какихъ-то ватныхъ казакинахъ.

Слѣдствiе этого было то, что военный министръ Д. А. Милютинъ три года подрядъ посылалъ генерала Тимофеева для приведенiя въ порядокъ.

Но кромѣ регулярныхъ войскъ оборона края лежала на казакахъ. Казачье войско состояло изъ Амурской конной бригады; Амурскаго казачьяго пѣшаго батальона и Уссурiйскаго пѣшаго батальона.

Вся численность казачьяго населенiя составляла 18.519 душъ о. п. Въ частности населенiе казаковъ было: въ Амурской конной бри-

гадѣ 7.548 д. о. п.; въ Амурскомъ пѣшемъ батальонѣ 5.661 д. и въ Уссурійскомъ пѣшемъ батальонѣ 5.310 д. од. п.

Эти казачьи войска, какъ въ военномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи были удовлетворительны за исключеніемъ пѣшаго Уссурійскаго батальона. Конная бригада и пѣшій Амурскій батальонъ успѣли со времени своего переселенія уплатить часть долга казнѣ. Первая изъ долга 56.423 р. уплатила 17.254 р., а второй изъ 43.541 р.—29.107 р.

Казаки въ обѣихъ этихъ воинскихъ частяхъ развили здѣсь хлѣбопашество до такой степени, что нѣкоторый избытокъ своего хлѣба продаютъ на сторону.

Но едва не въ отчаянномъ положеніи нашла комиссія пѣшій Уссурійскій батальонъ. Причина этого заключается въ слѣдующемъ.

По присоединеніи Амурскаго края къ Россіи генераль-губернаторомъ Восточной Сибири было предположено для фактическаго занятія края и въ видахъ защиты его поселить на границѣ его казачье войско. Это было сдѣлано Муравьевымъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1858 года. При предположеніи этомъ представлены были и соображенія о способахъ и расходахъ передвиженія казаковъ Забайкальскаго казачьяго войска для сформированія изъ нихъ четырехъ пѣшихъ батальоновъ, расчетъ, сколько семействъ необходимо переселить для того, чтобы казачьи войска могли выставять, въ случаѣ надобности, необходимое число дѣйствующихъ и резервныхъ войскъ, и проектъ Положенія Амурскаго казачьяго войска.

Предположеніе это, пройдя черезъ Комитетъ подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича, было утверждено Государемъ Императоромъ въ октябрѣ 1856 года, и постановлено было образовать четыре пѣшихъ казачьихъ батальона для заселенія и для защиты нашей пограничной линіи.

Переселеніе 4-хъ батальоновъ началось въ навигацію 1858 года.

Въ томъ же году состоялось Высочайшее повелѣніе о перечисленіи штрафованныхъ нижнихъ чиновъ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи въ казаки Забайкальскаго и Амурскаго казачьяго войска. Этою мѣрою было положено усилить рабочую силу сказанныхъ войскъ. Въ 1858 году послѣдовалъ проектъ новаго устройства и положенія Амурскаго войска. Конная казачья войска должны были сформировать 2 полка 4-хъ сотеннаго состава и составить Амурскую конную бригаду; пѣшія же войска предполагалось раздѣлить на два батальона, съ наименованіемъ ихъ Амурскимъ и Уссурійскимъ пѣшими казачьими батальонами. Въ видахъ недостаточности кореннаго казачьяго населенія, для охраненія границы и поддержанія внутренняго порядка на обширной территоріи, предположено было

усилить батальонъ поселеніемъ 1.000 человекъ изъ нижнихъ чиновъ гарнизонныхъ батальоновъ, перечисленныхъ въ казаки.

Дальнѣйшее движеніе изъ Забайкальской области казаковъ, назначенныхъ въ Уссурійскій батальонъ, происходило въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ.

Въ октябрѣ 1861 года военный губернаторъ Амурской области доносилъ о неуспѣхѣ въ водвореніи нижнихъ чиновъ изъ гарнизонныхъ батальоновъ, перечисленныхъ въ казаки, съ изложеніемъ тому слѣдующихъ причинъ. Общее число перечисленныхъ достигало въ Амурской области: холостяковъ 1.068, женатыхъ, не имѣющихъ женъ при себѣ, 24, женатыхъ съ семействами 171, всего 1.263 человека. По общему исчисленію народонаселенія области, число душъ мужского пола превышало число душъ женскаго пола всего на 1.260 душъ. Такимъ образомъ предвидѣлось, что большая часть холостыхъ нижнихъ чиновъ навсегда останутся таковыми. Вредный результатъ этого состоитъ въ томъ, что они будутъ оставаться безъ всякой помощи въ старости и никогда не упрочатъ своего хозяйства. Впрочемъ, эта безсемейность нижнихъ чиновъ еще не такъ вредна, какъ дурное нравственное вліяніе ихъ на населеніе. Неспособность ихъ къ труду приводитъ ихъ къ безвыходной нищетѣ и служитъ причиною мелкаго воровства и даже грабежа у инородцевъ и казаковъ.

Семейные казаки не принимали нижнихъ чиновъ въ работники въ свои семьи, вслѣдствіе неспособности ихъ къ земледѣльческому труду; въ г. Благовѣщенскѣ же требуются только мастеровые, часть которыхъ между перечисленными въ казаки весьма незначительна. Вслѣдствіе этихъ причинъ, люди эти, въ массѣ, не имѣютъ заработковъ и средствъ къ пропитанію.

Между перечисленными изъ гарнизонныхъ батальоновъ были трудолюбивые и хорошіе хозяева, но они составляли незначительную часть всего ихъ числа и терпѣли большой недостатокъ въ средствахъ. Опираясь на приведенное положеніе дѣлъ, военный губернаторъ Амурской области, въ видахъ устраненія вреднаго вліянія и безвыходнаго положенія вновь зачисленныхъ казаковъ, просилъ генераль-губернатора удалить всѣхъ ихъ изъ области, за исключеніемъ хорошихъ сельскихъ хозяевъ.

Въ 1866 году крайне бѣдственное положеніе нижнихъ чиновъ гарнизонныхъ батальоновъ, зачисленныхъ въ казаки Уссурійскаго батальона, побудило военнаго губернатора Приморской области просить генераль-губернатора объ учрежденіи при названномъ батальонѣ общественной заимки (фермы), съ производствомъ на ней земледѣльческихъ работъ артелью изъ перечисленныхъ въ казаки

нижнихъ чиновъ. Этою мѣрою онъ предполагалъ дать имъ средство существованія и противодѣйствовать вредному и безнравственному ихъ вліянію на народонаселеніе. Хотя означенная мѣра и допущена была генераль-губернаторомъ, но какъ заимка не исполняла ожиданія, возложенныя на нее, то и была уничтожена въ 1868 году. Инструменты, скоть и сѣмянныи хлѣбъ были розданы нуждающимся, хорошимъ хозяевамъ изъ казаковъ того же батальона.

Неудовлетворительное экономическое развитіе казачьяго населенія Уссурійскаго батальона побудило генераль-губернатора въ 1868 году возложить на командированнаго въ томъ году для инспектированія войскъ Приморской области, генераль-маіора Клейна, подробно изслѣдовать причины такого упадка батальона, а равно обревизовать названный батальонъ и его управленіе.

По ревизіи оказалось, что обмундированіе Уссурійскихъ казаковъ, состоящихъ на службѣ, крайне неисправно, многіе изъ нихъ не только не имѣли форменнаго платья, но были даже безъ верхней одежды. Нарядъ на службу не производился по существующимъ для сего правиламъ, такъ какъ онъ происходилъ по приговорамъ самого общества, подъ наблюденіемъ только командира. Отчетность въ денежныхъ суммахъ до такой степени запутана, что средства батальона совершенно неизвѣстны, даже не приведены въ ясность счета должниковъ и кредиторовъ батальона и займообразныхъ пособій казакамъ скотомъ и разными матеріалами.

Населеніе батальона въ 28 станицахъ состоитъ изъ 792-хъ семействъ въ числѣ 4.648 душъ обоюго пола, изъ нихъ 41 семейство не имѣетъ домовъ. Батальонъ весьма бѣденъ скотомъ, такъ что 208 семействъ не имѣютъ его вовсе.

Причины плохого экономическаго развитія батальона суть нерадѣніе и лѣнь самихъ казаковъ, недостаточно строгій присмотръ за ними; а главное незаботливость мѣстной власти.

Всѣ эти вышележенныя переформированія и измѣненія, чуть не ежегодныя, не могли не отразиться, какъ на хозяйственное, такъ и на военное положеніе Уссурійскихъ казаковъ. Поэтому коммиссія заявила, что здѣсь населеніе находится въ гораздо худшемъ положеніи сравнительно даже съ крестьянами, водворенными въ низовьяхъ Амура.

Причина такого исключительнаго положенія Уссурійскихъ казаковъ заключается отчасти въ неудобствѣ топографическихъ условій занятой ими мѣстности и существеннымъ образомъ опредѣляется ошибками и неудачами при первоначальномъ водвореніи ихъ, а также, къ сожалѣнію, и характеромъ самаго населенія.

Первоначальное распредѣленіе казаковъ на Уссури было про-

изведено по непосредственному указанію администраціи, которая, по совершенному незнакомству своему съ мѣстными условіями края, руководствовалась въ этомъ случаѣ весьма обманчивымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на нее поверхностнымъ осмотромъ Уссурійскаго побережья. Умѣренность климата, богатство и сила растительности ввели распорядителей переселенія въ полное заблужденіе относительно выгодъ колонизаціи, и вслѣдствіе этого первые переселенцы были размѣщены безъ надлежащаго вниманія съ соблюденіемъ лишь произвольно опредѣленныхъ, между вновь учрежденными поселеніями, разстояній.

Другая важная ошибка, допущенная администраціею при первоначальномъ заселеніи Уссурійскаго края, заключалась въ неудачномъ выборѣ самыхъ элементовъ населенія. Не говоря уже о томъ, что значительная часть уссурійскихъ переселенцевъ взята была изъ такихъ мѣстностей Забайкалья, гдѣ земледѣльческій трудъ былъ только побочнымъ занятіемъ жителей, но и самый способъ назначенія этихъ переселенцевъ имѣлъ впослѣдствіи весьма вредное вліяніе на успѣхъ водворенія ихъ въ новомъ краѣ.

Порядокъ, установленный въ то время, для наряда Забайкальскихъ казаковъ къ переселенію въ Примурскій край, былъ жеребьевый. Отъ этого порядка формировація пѣшаго Уссурійскаго баталіона сдѣлано было отступленіе въ томъ смыслѣ, что тому, на кого падалъ жребій, было предоставлено замѣнять себя охотниками. Вслѣдствіе этого, многіе зажиточные хозяева, для которыхъ переселеніе въ неизвѣстный и далекій край было особенно чувствительно въ матеріальномъ отношеніи, предпочли вмѣсто себя нанимать и снаряжать на свой счетъ бѣдняковъ, которымъ нечего было терять при переселеніи, чѣмъ самимъ удалиться изъ родины. По этой причинѣ, ни одна часть амурскихъ обязательныхъ переселенцевъ не имѣла въ средѣ своей такъ мало зажиточныхъ хозяевъ и такъ много бѣдняковъ, какъ Уссурійскій баталіонъ.

Съ другой стороны необходимо прибавить, что обманчивое предположеніе о чрезвычайныхъ богатствахъ Уссурійскаго края побудило начальство Восточной Сибири во избѣжаніе излишняго ослабленія казачьяго населенія въ Забайкальской области пополнить контингентъ уссурійскихъ переселенцевъ такими личностями, которыя помимо совершенной бѣдности своей представлялись весьма неблагонадежными и въ нравственномъ отношеніи. То были штрафованные нижніе чины бывшихъ баталіоновъ внутренней стражи, которые, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, были переведены въ Восточную Сибирь для причисленія ихъ къ мѣстнымъ казачьимъ войскамъ. Такъ какъ люди эти въ мѣстахъ новаго причисленія свое-

го служили только обремененіемъ для старожиловъ, вовсе не нуждавшихся въ такихъ нравственно неблагонадежныхъ товарищахъ, то главное начальство края увидало въ переселеніи ихъ на Амуръ весьма удобный способъ ихъ сбыта, рассчитывая при этомъ, что благоприятныя климатическія условія и предполагаемая легкость водворенія въ Пріамурскомъ краѣ, въ связи съ предоставленными переселенцамъ льготами и пособіями, дадутъ новымъ казакамъ больше возможности къ матеріальному обезпеченію, нежели при водвореніи ихъ въ Забайкальской области. Вслѣдствіе этого часть штрафованныхъ нижнихъ чиновъ и была переселена на Амуръ вмѣстѣ съ казаками. Въ Уссурійскій же пѣшіій баталіонъ ихъ зачислено гораздо больше сравнительно отчасти потому, что ими въ качествѣ охотниковъ замѣстались казаки, пожелавшіе остаться на родинѣ.

Весьма понятно, что при такомъ составѣ уссурійскаго населенія значительная часть котораго состояла изъ людей порочныхъ и никогда земледѣліемъ не занимавшихся, оно съ гораздо меньшимъ успѣхомъ могло бороться противъ встрѣченныхъ имъ трудностей при водвореніи на новыхъ мѣстахъ.

Самый способъ препровожденія казаковъ изъ Забайкалья посредствомъ бывшихъ сплавовъ не могъ остаться безъ вреднаго вліянія на ихъ будущность. Обыкновенно казаковъ и ихъ семейства, если не всегда, то по большей части славляли отдѣльно отъ ихъ имущества, которое слѣдовало далеко позади, подъ присмотромъ только нѣкоторыхъ казаковъ. Естественно, что самый надзоръ за имуществомъ постороннихъ лицъ не могъ быть такъ хорошъ, какъ въ томъ случаѣ, если бы за нимъ присматривали сами хозяева. Отъ такого порядка нерѣдко имущество утрачивалось, и скотъ погибалъ въ большомъ числѣ. Наконецъ, въ первое время, при маломъ знакомствѣ съ фарватеромъ рѣки Амура и съ свойствами ея теченія баржи и плоты погибали въ весьма значительномъ количествѣ, лишая казаковъ ихъ имущества, хлѣба и скота.

Придя на мѣсто, казаки заняли тѣ станицы, которыя были выбраны заранѣе безъ всякаго знакомства, какъ съ характеромъ рѣки и ея береговъ, такъ и со свойствами выбранной подъ поселеніе мѣстности.

Между тѣмъ первоначально оказанная помощь, при отсутствіи настойчивости со стороны начальства, приказанія перенести пашни на болѣе высокія мѣста, имѣла весьма вредное вліяніе на казаковъ и на ихъ послѣдующую будущность.

Получивъ увѣренность въ томъ, что и впредь они будутъ пользоваться пособіемъ отъ казны, казаки, не взирая на ежегодную

затопляемость своихъ поселеній, получая ежегодно хлѣбъ отъ казны, продолжали обрабатывать свои поля на затопляемыхъ мѣстахъ.

Кромѣ этихъ причинъ есть и другія, въ которыхъ слѣдуетъ обвинять исключительно однихъ только казаковъ. Они были твердо увѣрены, во-первыхъ, что рано или поздно имъ будетъ разрѣшено опять вернуться въ Забайкалье, а во-вторыхъ, что они безусловно должны получать изъ казны продовольствіе и всякаго рода помощь какъ потому, что они казаки, такъ и потому, что поселены на Уссури не по своему желанію, а по вызову отъ правительства. Обѣ эти причины довели казаковъ до того, что въ 1866 году многіе изъ нихъ, считавшіе въ своей семьѣ по девяти душъ, имѣли по $\frac{3}{8}$ десятины запаханной земли.

Къ сказаннымъ причинамъ необходимо присоединить во многихъ случаяхъ замѣчательную апатію казаковъ къ результатамъ своего труда, апатію, отчасти происходящую отъ вышеуказанныхъ причинъ. Какъ бы плохъ ни былъ хозяинъ, но трудно предположить, чтобы онъ не замѣчалъ плохихъ результатовъ своего труда.

Что касается до хозяйственныхъ помѣщеній, то они находились въ самомъ жалкомъ видѣ. Издали каждая станица представлялась обыкновеннымъ русскимъ селеніемъ, по приближеніи же картина измѣнялась совершенно и деревня являлась въ своемъ настоящемъ видѣ: крайне ветхія постройки, преимущественно изъ осинового дерева, дырявыя крыши, отсутствіе почти всякихъ пристроекъ для хозяйства и скота, тѣсное жилое помѣщеніе, грязь и нечистота внутри,—вотъ видъ большей части станицъ. Въ одной изъ станицъ есть жилое помѣщеніе, въ которомъ сѣни стояли безъ крыши, со времени первоначальнаго поселенія на Уссури. Хозяинъ въ теченіе десяти лѣтъ не крылъ сѣней въ ожиданіи разрѣшенія возвращенія въ Забайкалье. О крытыхъ ригахъ для молотбы и сушиленъ нѣтъ и рѣчи. Такія постройки не могутъ не отражаться непосредственно на самихъ казакахъ. Наружный видъ какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей, давали самое невыгодное понятіе о населеніи: изможденные, желтыя лица свидѣтельствовали о дурномъ состояніи здоровья. Недостатокъ хлѣба, праздный образъ жизни, дурныя постройки, нечистота помѣщеній, породили въ зиму съ 1868 на 1869 г. г. тифъ и возвратную горячку, свирѣпствовавшую съ такой силой, что въ рѣдкомъ домѣ оставались здоровые люди.

Послѣ всего описаннаго можно себѣ представить въ чьихъ рукахъ находилась охрана двухъ обширнѣйшихъ областей Россійской Имперіи. На наше счастье сосѣдняя Японія только-что совершила свою революцію и не думала еще объ азіатскомъ материкѣ. Наши

силы состояли въ это время изъ Амурской конной бригады, гдѣ были иногда только сборы, и изъ пѣшихъ баталіоновъ: Амурскаго и Уссурійскаго, гдѣ никогда и никакихъ сборовъ не было. Вслѣдствіе этого въ обоихъ баталіонахъ и никакого военного образованія не было. Жители станицъ Амурскаго баталіона, расположенные въ Хинганскомъ хребтѣ и промышляющіе звѣриною охотою, по крайней мѣрѣ имѣли понятіе объ оружіи, чего вовсе нельзя сказать объ Уссурійскомъ баталіонѣ.

Лучше всего можетъ характеризовать слѣдующее обстоятельство. Въ 1868 году по случаю происшедшихъ въ краѣ безпорядковъ Уссурійскимъ казакамъ были розданы превосходнѣйшіе штуцера. Люди, бывшіе въ отрядѣ, отъ неумѣнья обращаться съ оружіемъ испортили его совершенно. Получивъ ружья по станицамъ, казаки даже не распаковывали ящиковъ, а просто оставляли ихъ на дворахъ, подъ дождемъ и сыростью, почему штуцера покрылись ржавчиною, и мѣстное начальство, въ предупрежденіе окончательной порчи, отобрало оружіе въ цейхгаузъ, оставивъ у казаковъ старыя кремневые ружья.

Русское населеніе, состоящее изъ казаковъ и добровольныхъ переселенцевъ изъ Россіи, расположено исключительно по лѣвому берегу Амура и по берегамъ нѣкоторыхъ его притоковъ. Вся же остальная территорія представляетъ незаселенное пространство съ небольшимъ числомъ кочующихъ народовъ тунгускаго племени.

Главная масса русскаго населенія состоитъ изъ казаковъ, положившихъ начало колонизаціи края, и русскихъ переселенцевъ изъ внутренней Россіи; всѣ казачьи станицы лежатъ или на самомъ берегу Амура или не вдалекѣ отъ него; большая же часть крестьянскихъ деревень расположена по берегамъ притоковъ Амура и только весьма немногія находятся на берегу послѣдняго.

Инородцы состоятъ изъ трехъ племенъ: ороченъ, манегровъ и гольдовъ, принадлежащихъ къ тунгускому племени, стоящихъ на первобытной степени гражданской жизни и не отличающихся другъ отъ друга по степени цивилизаціи. Всѣ они не имѣютъ осѣдлости и перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто въ занятыхъ ими районахъ.

Для полноты слѣдуетъ упомянуть, что въ Амурской области между православными живутъ и сектанты, которые впрочемъ не оказываютъ никакого вліянія на православныхъ. Всѣ они живутъ хорошо, и не бываетъ случаевъ совращенія православныхъ. Впрочемъ, если бы они и вздумали пропагандировать свое вѣроученіе, то врядъ ли бы нашли удобную для того почву. Большая часть переселенцевъ состоитъ изъ живущихъ въ малороссійскихъ губерніяхъ, твер-

до сохраняющихъ свои обычаи и не легко поддающихся какому бы то ни было ученію.

Что касается до хозяйства ихъ, то оно не только не отличается отъ хозяйства православныхъ, но весьма близко къ нему подходитъ, и только молокане, выходцы изъ Таврической губерніи, принесли сюда нѣкоторыя улучшенія, заимствованныя ими у своихъ бывшихъ сосѣдей-менонитовъ.

Успѣхъ мѣстной колонизаціи много зависитъ отъ большей или меньшей трудности расчистки первобытной земли подъ полевую почву. Трудность расчистки имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что переселенцы не въ состояніи подготовить подъ пашню пространство земли, необходимое для продовольствія ихъ семействъ. Вслѣдствіе этого новое населеніе впадаетъ въ нужду и для прокормленія своего нерѣдко прибѣгаетъ къ продажѣ орудій своего производства, преимущественно скота.

Въ этомъ отношеніи наиболѣе тяжкія условія выпадаютъ на долю тѣхъ мѣстностей, которыя и по климату и по качеству почвы принадлежатъ къ наименѣе одареннымъ природою.

Въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ относительно расчистки земель находится степное пространство Благовѣщенскаго района, прибрежная къ Амуру мѣстность, между Хинганомъ и станицею Головина и въ особенности Южно-Уссурийская область. Здѣсь новыя земли представляютъ собою или совершенно чистые луга, которые можно прямо поднимать плугомъ или же луга, покрытые мелкимъ кустарникомъ.

Для болѣе полнаго разъясненія сельскохозяйственныхъ условій Пріамурскаго края, необходимо коснуться еще нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ, которыми въ значительной степени опредѣляется сельскохозяйственный бытъ населенія. Обстоятельства эти суть: изобиліе лѣсныхъ угодій и существованіе въ странѣ разнаго рода промысловъ.

Обращаясь къ существующимъ въ Пріамурскомъ краѣ промысламъ, какъ къ средству обезпеченія быта мѣстныхъ сельскихъ обывателей, необходимо раздѣлить ихъ на двѣ категоріи: на промыслы, возникновеніе коихъ опредѣляется естественною производительностью края, и на промыслы, зависящіе отъ заводскихъ производствъ и вообще отъ усиленія промышленнаго или торговаго движенія въ краѣ.

Къ первой категоріи прежде всего должны быть отнесены промыслы: лѣсной, рыболовный и звѣриный.

Что касается до лѣсныхъ богатствъ, находящихся въ районѣ казачьихъ земель, то слѣдуетъ замѣтить, что обиліе и разнообразіе

лѣсныхъ породъ не предоставляетъ казакамъ особыхъ промышленныхъ выгодъ, да и не можетъ быть для нихъ предметомъ эксплуатаціи. Лѣсъ, находящійся у береговъ, не отличается большими достоинствами и имѣетъ много недостатковъ; хорошій же лѣсъ растетъ вдали отъ береговъ, преимущественно по горнымъ хребтамъ. Лѣсъ, ближайшій къ станицамъ, уже вырубленъ казаками для построекъ и для ихъ собственной надобности, растущій же въ дальнемъ разстояніи отъ станицъ не можетъ быть вырубленъ и перевозимъ за недостаткомъ рабочихъ рукъ и лошадей, а вслѣдствіе того, за дороговизною доставки къ пунктамъ сбыта.

Можно сказать, что огромные здѣшніе лѣса, которые при хорошемъ населеніи и обиліи рабочихъ рукъ составляли бы замѣчательный источникъ богатства, истребляются только лѣсными пожарами и дикимъ манзомъ при усердномъ содѣйствіи уссурійскаго казака.

Нельзя не упомянуть объ одномъ довольно выгодномъ занятіи, свойственномъ нѣкоторымъ лѣсистымъ мѣстностямъ—о сборѣ кедровыхъ орѣховъ въ станицахъ около Хингана. Особаго значенія этотъ промыселъ не можетъ имѣть, какъ по ничтожности самаго продукта, такъ и по ограниченности спроса. Необходимо только указать на варварскій способъ добыванія. Для того, чтобы набрать орѣховъ легкимъ способомъ, рубятъ цѣлыя деревья.

Хотя на Уссуріи и не бываетъ повсемѣстныхъ падежей и эпидемическихъ болѣзней на скотѣ, однако, по общему отзыву, какъ самихъ казаковъ, такъ и мѣстнаго начальства, скотъ, приведенный изъ Забайкалья, не держится на Уссуріи и страдаетъ какою-то особою болѣзью. По имѣющимся свѣдѣніямъ оказывается, что двадцать процентовъ погибаетъ отъ разныхъ причинъ, въ томъ числѣ отъ мѣстнаго корма, вредное качество котораго усиливается отсутствіемъ солонцевъ въ илѣ, остающемся на лугахъ вслѣдствіе разлива Уссуріи.

Въ заключеніе необходимо сказать о причинѣ, которая, если и не представляетъ препятствія для скотоводства, то все-таки проявляетъ себя съ невыгодной стороны,—это истребленіе скота тиграми. Такъ въ 1866 году тигры истребили 11 лошадей, 9 коровъ и 12 овецъ, не считая большого числа свиней.

Амуръ, Уссуріи, Сунгари и ихъ притоки необыкновенно богаты рыбою и при томъ самою разнообразною. Въ изобиліи ловятся осетры, таймень, щука, сазанъ, кѣта, горбуша, судакъ и др. Въ нѣкоторые годы обиліе рыбы бываетъ изумительное; такъ въ 1868 году на Уссуріи, въ станицѣ Нижне-Никольской осенью, во время рѣкостава, изъ одной тони за одинъ разъ вынуто было рыбы 2.800

пудовъ. Во всякомъ другомъ мѣстѣ рыба эта была бы не только подспорьемъ, но и предметомъ промысла, между тѣмъ какъ здѣсь она ловится въ самомъ незначительномъ количествѣ. Въ Уссурійскомъ баталіонѣ, въ рѣдкой станицѣ можно встрѣтить хорошія рыболовные снасти.

Рыболовство въ Пріамурскомъ краѣ, какъ видно, составляетъ повсемѣстное побочное занятіе мѣстныхъ обывателей, снабжающее ихъ рыбною пищею. Какъ самостоятельный промыселъ, оно существуетъ лишь въ немногихъ мѣстахъ теченія нижняго Амура. Изобиліе рыбы почти совершенно исключаетъ возможность неудачнаго улова.

Звѣриный промыселъ совпадаетъ съ распредѣленіемъ въ краѣ прибрежныхъ горъ и лѣсовъ. Вслѣдствіе этого, онъ существуетъ повсюду на Амурѣ и Уссуріи, за исключеніемъ лишь степной области Благовѣщенскаго района; особенно же звѣроловство развито въ верховьяхъ Амура въ Хинганскомъ хребтѣ и въ Уссурійской рѣчной области, такъ какъ независимо отъ обилія пушного и краснаго звѣря въ лѣсной тайгѣ, подступающей вплоть къ заселеннымъ пунктамъ, сами мѣстные жители, переселенные сюда изъ звѣропромышленныхъ мѣстностей Забайкалья, имѣютъ природную склонность и всѣ качества, необходимыя для успѣшнаго занятія звѣринымъ промысломъ. А между тѣмъ въ области водится по всему Амuru множество самыхъ разнообразныхъ животныхъ, здѣсь встрѣчаются: соболь, бѣлка, лисица, волкъ, выдра, дикая коза, медвѣди, кабаны, изюбры, еноты, а на Уссуріи тигры и барсы. При обиліи дичины въ районѣ расположенія Амурскаго батальона звѣропромышленность могла быть важнымъ подспорьемъ для жителей. Въ то время, какъ гольды добываютъ соболей тысячами, казаки въ теченіе цѣлой зимы набираютъ ихъ десятками и рѣдко двѣ, три сотни. Причина этого заключается въ томъ, что казаки, несмотря на долгое пребываніе въ краѣ, не умѣютъ подобно гольдамъ ходить на лыжахъ.

Изъ всѣхъ мѣстностей Пріамурскаго края только двѣ привлекаютъ къ себѣ вольныхъ переселенцевъ: степная область Благовѣщенскаго района и Южно-Уссурійскій край, въ особенности послѣдній, куда стремятся многіе крестьяне, уже совершенно устроившіе свое хозяйство въ хлѣбородномъ Зейскомъ округѣ. Это стремленіе переселенцевъ въ этотъ край какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ и ближайшимъ видамъ правительства относительно усиленія мѣстнаго производства хлѣба и условіямъ будущаго экономическаго устройства страны. вмѣстѣ съ тѣмъ сосредоточеніе морскихъ учреждений въ одной изъ южныхъ гаваней только тогда можетъ прійти къ полезнымъ результатамъ, когда учрежденія эти будутъ опираться на производительное и многочисленное населеніе.

Поэтому переселеніе въ Южно-Уссурійскій край заслуживаетъ исключительной поддержки правительства. Комиссія находила совершенно необходимымъ принять нѣкоторыя мѣры для облегченія трудностей передвиженія въ самыхъ предѣлахъ Амурской области. Надо припомнить, что въ то время о желѣзныхъ дорогахъ на востокъ отъ Нижняго-Новгорода и въ поминѣ не было. Слѣдующіе въ Южно-Уссурійскій край переселенцы совершали свой путь по Амуру на сплавныхъ баржахъ и плотамъ до Хабаровки. Здѣсь комиссія увидѣла оригинальное зрѣлище: на огромномъ пространствѣ по берегу и вглубь отъ него была тысячная толпа людей, между которыми виднѣлись мужчины, женщины, дѣти, самыхъ разнообразныхъ возрастовъ, лошади и коровы. Все это не имѣло кровли надъ собою, ютилось подъ открытымъ небомъ въ ожиданіи баржъ. Хотя на длинномъ пути изъ Россіи до Хабаровки они подвергались многимъ лишеніямъ и рисковали потерять свое имущество и скоть отъ разныхъ случайностей, но доходящіе благополучно до Хабаровки сохраняли и свои физическія силы, и свои матеріальныя средства.

Начиная отъ Хабаровки, переселенцы должны были подниматься вверхъ по Уссуріи и Сунгарѣ, что уже совершенно недоступно для нихъ безъ посторонней помощи. Единственное средство для этого составляли казенные пароходы съ баржами, но такъ какъ пароходы эти заняты всегда исполненіемъ служебныхъ обязанностей, изъ которыхъ одна доставка провіанта въ казачьи станицы и въ мѣста расположенія регулярныхъ частей требуетъ нѣсколькихъ рейсовъ, то очевидно, что помощь эта не удовлетворяетъ ихъ. Дѣйствительно, по опросѣ ихъ оказалось, что они ждали очереди два и три мѣсяца, въ теченіе которыхъ издерживались на пропитаніе, для чего продавали часть своего имущества; если затѣмъ и оставался скоть, то они должны гнать его болотистыми берегами, иногда совершенно затопляемыми, почему скоть доходитъ до мѣста изнуреннымъ, а часть его и вовсе пропадаетъ. Сами переселенцы приходятъ на мѣсто водворенія уже поздною осенью, когда нельзя заготовлять хорошаго корма для скота и устроить себѣ сколько-нибудь сносное жилище.

Для усиленія колонизаціи Пріамурскаго края, по мнѣнію комиссіи, была бы весьма дѣйствительна другая мѣра—именно обезпеченіе переселенцамъ-раскольникамъ полной релігіозной свободы съ правомъ публичнаго отправленія богослуженія по обрядамъ ихъ секты. Но такъ какъ осуществленіе этой мѣры затрогивало слишкомъ важныя интересы государства и россійской православной церкви, то комиссія не считала себя въ правѣ входить въ даль-

нѣйшее соображеніе этого вопроса, а ограничилась лишь однимъ краткимъ указаніемъ на означенную мѣру.

Говоря о необходимыхъ мѣрахъ для улучшенія положенія крестьянъ, нельзя опустить изъ виду еще одного весьма важнаго обстоятельства, имѣющаго самое вредное вліяніе на ихъ дѣятельность. Обстоятельство это заключается въ значительномъ накопленіи на нихъ казенныхъ долговъ, вслѣдствіе выданныхъ имъ въ разное время займообразныхъ пособій. При крайне недостаточномъ состояніи мѣстнаго населенія взысканіе этихъ долговъ представляется совершенно безнадежнымъ, а между тѣмъ сознаніе неоплатности долга и постоянное опасеніе, что начальство не преминетъ воспользоваться всякимъ улучшеніемъ средствъ жителей для пополненія числящейся на нихъ недоимки, невольно удерживаютъ послѣднихъ отъ энергической заботы объ улучшеніи и расширеніи своего хозяйства.

Къ этому необходимо присовокупить, что какъ на Уссурійскихъ казакахъ, такъ и на крестьянахъ Приморской области тягость лежащаго на нихъ долга увеличивается еще болѣе отъ неизвѣстности имъ точнаго размѣра долга. При распредѣленіи пособій и займообразныхъ выдачъ между хозяевами не было надлежащей аккуратности и точности, вслѣдствіе чего чрезъ нѣкоторое время начальствомъ сумма долга была опредѣлена приблизительно, но сколько изъ общаго долга причитается на cadaго отдѣльнаго хозяина, это, въ большинствѣ случаевъ, осталось неопредѣленнымъ. Тогда начальство распредѣлило казенную недоимку между отдѣльными лицами и, при томъ не принявъ во вниманіе тѣхъ, которые дѣйствительно получили пособія.

При такой неправильности распредѣленія между населеніемъ низовьевъ Амура и Уссурійскаго края казенной недоимки, при безнадежности взысканія большей части ея, и при томъ вредномъ вліяніи, которое имѣетъ на дѣятельность населенія тяготѣніе надъ нимъ неоплатнаго долга, комиссія полагала, что необходимо сложить этотъ долгъ со счетовъ и доставить такимъ образомъ мѣстному населенію надежное ручательство въ беспрепятственномъ пользованіи результатами своей хозяйственной дѣятельности.

Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ краѣ, комиссія пришла къ слѣдующимъ выводамъ:

Въ основу преобразованій Пріамурскаго края должны быть положены слѣдующія главные начала:

1. Перенесеніе административнаго центра изъ Иркутска на Амуръ.

2. Предоставленіе мѣстной администраціи необходимой самостоятельности, обусловливаемой какъ организаторскимъ характеромъ ея, такъ и отдаленностью края отъ центральныхъ государственныхъ учреждений.

3. Въ виду важнаго морского значенія побережья Восточнаго океана, обезпеченіе свободнаго развитія мѣстныхъ морскихъ учреждений.

Для достиженія этихъ цѣлей комиссія предполагала:

1. Управление Пріамурскимъ краемъ изъять изъ вѣдѣнія генераль-губернатора Восточной Сибири, оставивъ подъ его управленіемъ Енисейскую и Иркутскую губерніи и Якутскую и Забайкальскую области.

2. Упразднить Амурскую область, которая ни по числу населенія, ни по экономическому своему положенію не можетъ составлять самостоятельной административной единицы. Изъ всего же Пріамурскаго края, за исключеніемъ морского побережья, образовать одну область подъ названіемъ Пріамурской.

3. Морскую часть въ Амурскомъ краѣ поручить отдѣльному морскому начальнику съ званіемъ главнаго командира портовъ Восточнаго океана съ мѣстопробываніемъ во Владивостокѣ.

Затѣмъ комиссія проектировала измѣненія относительно гражданскаго управленія.

Я, какъ членъ отъ военнаго министерства, подалъ особое мнѣніе, которое состояло въ слѣдующемъ:

1. Изъ областей Забайкальской и Пріамурской (Амурская и Приморская) образовать одно генераль-губернаторство съ административнымъ центромъ въ Благовѣщенскѣ.

2. Генераль-губернатору предоставить въ военномъ отношеніи права командующихъ войсками въ округахъ.

3. Главному командиру портовъ подчинить войска, расположенныя въ прибрежныхъ пунктахъ, не имѣющихъ сухопутнаго сообщенія, въ портѣ и на Сахалинѣ только въ командномъ отношеніи на правахъ военнаго губернатора.

Эти соображенія комиссіи были разсмотрѣны въ 1871 году въ особомъ совѣщаніи, которое однако не рѣшило вопроса окончательно.

И вотъ съ тѣхъ поръ дѣло кануло, если не въ вѣчность, то по крайней мѣрѣ затормозилось надолго. Уже совершенно независимо отъ комиссіи, министерство внутреннихъ дѣлъ составило свой собственный проектъ; ввело новые вопросы о среднеазиатскихъ областяхъ въ связи съ Амурскими и запросило чуть не всѣхъ генераль-губернаторовъ, изъ которыхъ каждый рекомендовалъ свою панацею. А такъ какъ въ этихъ предложеніяхъ кромѣ опыта и знанія было не-

мало личныхъ интересовъ и честолюбій, то въ 1873 году опять была гдѣ-то образована комиссія, которой было поручено выработать окончательное заключеніе на основаніи высказанныхъ мнѣній. По отношенію къ Восточной Сибири выводъ этой комиссіи состоялъ въ томъ, что тогдашнее генераль-губернаторство должно быть упразднено, а изъ Приморской, Амурской и Забайкальской областей образовано Амурское генераль-губернаторство. Насколько бывшіе генераль-губернаторы были знакомы съ управляемымъ ими краемъ, можетъ служить то обстоятельство, что четыре изъ нихъ, управлявшіе краемъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ, не пришли къ одинаковымъ заключеніямъ, хотя они не могли относиться къ этому вопросу иначе, какъ съ точки зрѣнія и знанія мѣстныхъ интересовъ.

Только въ апрѣлѣ 1876 года, то есть черезъ семь лѣтъ послѣ комиссіи, рѣшено было дѣло объ Амурскомъ краѣ.

Сдѣланный мною набросокъ составляетъ, такъ сказать, второй періодъ исторіи Приамурскаго края; первый же, отъ перваго появленія русскихъ на Амурѣ до появленія тамъ комиссіи, очень хорошо разработанъ г. Тимченко-Рубанъ ¹⁾. Было бы крайне желательно разработать второй періодъ до настоящаго времени, когда условія передвиженія переселенцевъ радикально измѣнились, когда прошло болѣе сорока лѣтъ, въ теченіе которыхъ край при благоприятныхъ административныхъ условіяхъ долженъ бы былъ нынѣ процвѣтать, пользоваться богатыми дарами природы и богатѣть, не отдавая своихъ богатствъ въ чужія руки.

Въ 1881 году Дмитрій Алексѣевичъ оставилъ министерство. Имя его было настолько популярно, что не только въ однѣхъ военныхъ сферахъ, но и во всемъ русскомъ обществѣ интересовались вопросомъ, кто его замѣнитъ? Всѣмъ казалось самымъ естественнымъ, что его замѣнитъ человекъ, вмѣстѣ съ нимъ все время работавшій, принимавшій подъ его руководствомъ участіе во всѣхъ военныхъ преобразованіяхъ, человекъ большого ума организаторской складки, посланный въ тяжелую минуту на Кавказъ, къ Великому Князю Михаилу Николаевичу и заслужившій за это георгіевскій крестъ 3 степени. Всѣ называли Обручева. Правда, нѣкоторые думали, что это назначеніе встрѣтитъ препятствіе потому, что Обручевъ многими считался краснымъ, какими въ то время считались всѣ тѣ, которые, вмѣстѣ съ Милютинымъ, были поборниками того освободительнаго направленія, которымъ было ознаменовано царствованіе Императора Александра II.

¹⁾ „Военный Сборникъ“ 1909.

И вотъ въ одинъ прекрасный день военные узнали, что военнымъ министромъ назначенъ генералъ Ванновскій. Какъ могло случиться такое назначеніе? Такъ какъ никто не зналъ навѣрно содержанія разговора, происходившаго между Государемъ съ Милютинымъ, по поводу назначенія Ванновскаго, то всѣмъ; а въ томъ числѣ и князю Мещерскому, приходится говорить по слухамъ, исходящимъ съ разныхъ сторонъ. Такъ онъ говоритъ:

„Когда состоялось назначеніе Ванновскаго, говорили въ военныхъ и политическихъ сферахъ, что выборъ исходилъ всецѣло и исключительно отъ самого Государя. Оно оказалось, какъ мнѣ потомъ разъяснили, такъ, но не совсѣмъ. Мысль о Ванновскомъ, какъ о преемникѣ графа Милютина, впервые была высказана самимъ графомъ Милютинымъ въ отвѣтъ будто бы на вопросъ, который задалъ Государь, Александръ III гр. Милютину послѣ того, что имъ было высказано желаніе оставить должность военнаго министра. Графъ Милютинъ всегда былъ умный человекъ, всегда любезный человекъ и всегда тонкій дипломатъ. Во всѣхъ отношеніяхъ гр. Милютинъ и Ванновскій были антиподами и паче всего по военнымъ и политическимъ взглядамъ. Гр. Милютинъ былъ въ полномъ смыслѣ слова либераль, но не въ смыслѣ пошлаго или демократа-либерала, а въ смыслѣ убѣжденнаго прогрессиста и противника николаевскаго режима, и этотъ либерализмъ вносилъ и въ сферу всего военнаго дѣла. Ванновскій напротивъ былъ фанатическій воспитаникъ николаевскаго режима и либерализма въ военномъ дѣлѣ не допускалъ. Слѣдовательно, было совершенно естественно думать, что внутри себя ни графъ Милютинъ къ Ванновскому, ни Ванновскій къ графу Милютину не питали симпатій. Но графъ Милютинъ зналъ отлично, что въ Руцукѣ, во время командованія отрядомъ Цесаревичъ Александръ, вообще мало демонстративный въ проявленіи симпатій и довѣрія, сблизился съ генераломъ Ванновскимъ на столько, что еще въ Руцукѣ говорили о немъ, какъ о военномъ министрѣ въ будущее царствованіе. И вотъ почему съ дипломатическимъ чутьемъ, ему всегда присущимъ, гр. Милютинъ былъ увѣренъ, что, назвавъ своимъ преемникомъ Ванновскаго, онъ сдѣлаетъ Государю большое удовольствіе тѣмъ, что дастъ ему право опереть свой выборъ Ванновскаго ссылкой на рекомендацію гр. Милютина. Зналъ ли это Ванновскій или не зналъ, не знаю, но одно несомнѣнно: Ванновскій не любилъ, вѣроятно, быть благодарнымъ, ибо за все время своего управленія военнымъ министерствомъ онъ не любилъ все, что имѣло запахъ духа гр. Милютина“.

Мнѣ кажется, что князь Мещерскій напрасно взялся за чтеніе чужихъ мыслей такъ логично и подробно, но врядъ ли справедливо

описалъ тайныя мысли Милютина при разговорѣ Государя съ нимъ. Милютинъ былъ не такой человѣкъ, чтобы подлаживаться къ кому бы то ни было, и раньше онъ не дорожилъ министерскимъ портфелемъ и всегда готовъ былъ имъ пожертвовать, а отнюдь не подлаживаться. Онъ доказалъ это еще ранѣе, бывъ товарищемъ Сухозанета.

Въ одномъ только отношеніи правъ князь Мещерскій, назвавъ Ванновскаго и Милютина антиподами и указавъ на то, что всѣ, пользовавшіеся болѣе или менѣе вниманіемъ Милютина, были не въ авантажѣ у Ванновскаго, начиная съ его ближайшаго помощника—Обручева и другихъ.

Новый военный министръ былъ человѣкъ здравомыслящій, умный, твердаго характера и желѣзной воли. Таковы были положительныя качества Ванновскаго. Что же касается до отрицательной стороны, то она состояла въ томъ, что онъ былъ грубъ до чрезвычайности не только съ служащими, но и съ просителями; при его вспыльчивости многіе и часто должны были выслушивать дерзкія выходки. Онъ самъ говорилъ П. А. Крыжановскому: „Вѣдь я собака, не правда ли, я всѣхъ кусаю, никому дремать не даю, а потому и порядокъ такой... Когда и вы будете начальникомъ, совѣтую также быть собакой“.

Но самую худшею стороною его характера, какъ военнаго министра, было то, что онъ развелъ повсемѣстно клеветничество и анонимые доносы, которые поощрялъ, дѣлая тайныя разслѣдованія вмѣсто явныхъ ревизій. Вѣрно или нѣтъ, но говорили, что за это жестоко поплатился одинъ изъ его приближенныхъ адъютантовъ.

Не могу не упомянуть еще объ одной черточкѣ его характера—мстительности, которую я испыталъ на себѣ. Дѣло происходило такъ.

Въ 1879 г. Дмитрій Алексѣевичъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Было бы желательно, Сергѣй Павловичъ, чтобы матеріалы, касающіеся послѣдней войны, не утратились, а сохранились бы для будущаго историка этой войны. Я полагаю, что лучше всего было бы сосредоточить всѣ дѣла въ Ученомъ Комитетѣ и составить описаніе войны.

— А кто же будетъ писать? спросилъ я.

Надо составить комиссію, и я думаю назначить васъ председателемъ; объ организаціи ея я переговорю съ графомъ Гейденомъ. Вамъ отчасти это дѣло не новое, ибо вы уже работали у Тотлебена.

Никогда до тѣхъ поръ не отказывался я ни отъ одного поруче-

нія; послали меня въ чинѣ капитана сплавлять войска на Кавказъ, и я нѣсколько мѣсяцевъ плавалъ между Бердянскомъ и Темрюкомъ; неожиданно послали меня въ 1863 году въ Могилевъ на Днѣпрѣ — и я поѣхалъ; предложили въ комиссію Тотлебена—я принялъ; назначили редакторомъ „Русскаго Инвалида“—я не отказался; предложили отправиться въ Сибирь и на Сахалинъ—я съ радостью согласился. Но послѣднее предложеніе вовсе мнѣ не улыбалось. Я хорошо понималъ разницу между работою единоличною и комиссіонною и съ гораздо большимъ удовольствіемъ и рвеніемъ согласился бы работать одинъ. Но не успѣлъ я одуматься, какъ получилъ копию съ всеподданнѣйшаго доклада, на основаніи котораго кромѣ предсѣдателя полагалось 4 офицера: 2 для европейской войны, 1 для азіатской и 1 для общаго дѣлопроизводства. Кромѣ того предлагалось приглашать временно сотрудниковъ для отдѣльныхъ работъ. Словомъ, задумано было широко, но, какъ всегда, налаживаться начало съ величайшимъ трудомъ. Прежде всего въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ понадобилось два Высочайшихъ повелѣнія о присылкѣ въ Главный штабъ всѣхъ документовъ; каждый, повидимому, многіе документы считалъ своей собственностью, и работа замедлялась. Кромѣ того самыя документы, если и присылались, то безпорядочно, неполные, съ вырванными страницами, перепутанными, съ самыми разнородными содержаніями. Словомъ, былъ невообразимый хаосъ.

Это съ матеріалами, а вотъ съ временными сотрудниками. Обращаюсь къ графу Гейдену и говорю: Ваше Сіятельство, дайте такого-то въ комиссію.

— Берите кого-нибудь другого, а этотъ нуженъ такому-то.

Когда же начальникомъ Главнаго штаба сдѣлался мой товарищъ, Обручевъ, то я на свою просьбу получалъ болѣе энергическій отвѣтъ.

— Откуда я найду тебѣ офицеровъ, когда мнѣ самому не хватаетъ.

Такъ продолжалось года три, въ теченіе которыхъ удалось составить, и то весьма бѣгло, нѣсколько статей—двѣ или три.

— Ну, какъ идутъ у васъ дѣла по исторіи войны? спросилъ однажды у меня Дмитрій Алексѣевичъ.

— Очень плохо, просто не знаю, что дѣлать,—отвѣчалъ я и рассказалъ ему ходъ дѣла.

— Удивительно, какъ это у насъ все, что ни предпримемъ, не удастся, сказалъ Дмитрій Алексѣевичъ, какъ бы съ досадою.

Принявъ это за упрекъ въ медленности, я ему отвѣтилъ:

— Но вы сами, Дмитрій Алексѣевичъ, рассказывали мнѣ, какъ васъ Мольтке водилъ по архиву прусскаго главнаго штаба и показывалъ вамъ, на какихъ полкахъ находятся полковые и другіе дневники каждой части войскъ. Тогда легко писать исторію.

И вѣроятно изъ деликатности министръ добавилъ:

— Да, это правда; иногда для установленія какого-нибудь факта приходится терять много времени. Я помню, какого труда мнѣ стоило, чтобы установить мѣсто пребыванія Суворова, когда я писалъ исторію кампаніи 1799 года. Послѣ долгихъ усилій я наконецъ нашелъ и при томъ вовсе не тамъ, гдѣ можно было ожидать ¹⁾.

По вступленіи въ министерство П. С. Ванновскаго взглядъ на это дѣло совершенно измѣнился. Новый военный министръ вѣроятно полагалъ, что написать исторію войны такъ же легко, какъ какой-нибудь докладъ, и однажды обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Скоро вы, Ваше Превосходительство, окончите свою работу?

— Врядъ ли скоро, Ваше Высокопревосходительство,—отвѣчалъ я.

— Однако пора было бы кончать; времени, кажется, было довольно.

Принявъ это за намекъ, что я тяну работу изъ-за личной своей выгоды, я на другой день составилъ подробную записку о ходѣ работы, указавъ на всѣ препятствія, которыя мѣшали и мѣшаютъ успѣшному исполненію работы, и въ заключеніе просилъ освободить меня отъ предсѣдательства.

Вотъ тутъ-то и отомстилъ мнѣ за отказъ Петръ Семеновичъ.

По Высочайшему повелѣнію Императора Александра II мнѣ производилось жалованье и квартирныя деньги по чину. Слѣдовательно, при производствѣ моемъ изъ генераль-маіоровъ въ генераль-лейтенанты я долженъ былъ получать квартирныхъ денегъ на 500 р. въ годъ больше. Но министръ именемъ Государя квартирныя деньги оставилъ въ прежнемъ размѣрѣ. Понятно, что не Государь же это сдѣлалъ, а Ванновскій, чтобы наказать меня за отказъ.

Д. А. Милютинъ, какъ ученый военный историкъ, хорошо понималъ трудность, при нашихъ порядкахъ, писать исторію; Ванновскій же не задумывался надъ этою задачею и воображалъ, что онъ, какъ военный министръ, только своею властью заставитъ исполнить эту работу ускореннымъ способомъ. Однако это ему не удалось; я оставилъ военно-историческую комиссію въ 1885 году, а первый томъ былъ выпущенъ въ 1901 году, то есть чрезъ 16 лѣтъ послѣ меня. Вотъ сколько понадобилось времени, чтобы такъ добросовѣстно составить историческій очеркъ, какъ онъ появился, благодаря трудамъ комиссіи. Да и теперь комиссія находитъ, что „многіе существенные историческіе вопросы не находятъ себѣ удовлетворительнаго отвѣта“ по неполнотѣ матеріала. Самое же описаніе еще не доведено до конца.

Впрочемъ, я долженъ тутъ же указать на другую черту Ваннов-

¹⁾ Я не могу припомнить самаго эпизода, о которомъ шла рѣчь.

скаго, которая показываетъ, что когда шло дѣло, по его понятіямъ, заслуживающее вниманія, то онъ при обсужденіи дѣла не бралъ въ расчетъ личности. Это я также испыталъ на себѣ.

Въ 1870 годахъ, оставаясь членомъ военно-ученаго комитета, я, по Высочайшему повелѣнію, былъ назначенъ членомъ главнаго комитета по устройству и образованію войскъ. Предсѣдателемъ комитета былъ Е. И. В. Великій Князь Николай Николаевичъ, а помощникомъ его генераль-адъютантъ Чертковъ. Появленіе въ тѣ времена въ казармахъ разныхъ сочиненій и брошюръ противоправительственнаго содержанія обратило на себя вниманіе военнаго начальства. Рѣшено было помимо разныхъ запретительныхъ мѣръ къ тому, чтобы вредныя изданія не проникали въ казармы, дать нижнимъ чинамъ нѣкоторое удовлетвореніе, создавъ для нихъ какое-нибудь періодическое изданіе, приуроченное къ ихъ понятіямъ. Въ основу этого изданія, понятно, должно было лечь, помимо статей образовательнаго содержанія, главнымъ образомъ внушеніе солдату любви и преданности къ Государю, какъ къ своему вождю, любви къ родинѣ и въ важности исполненія воинскаго долга во всѣхъ случаяхъ.

До того времени существовало два изданія для нижнихъ чиновъ: „Солдатское Чтеніе“, выходившее шесть разъ въ годъ и „Досугъ и Дѣло“; первое издавалось генераломъ Гейротомъ, а второе А. Ѳ. Погосскимъ. „Досугъ и Дѣло“ хотя и считался періодическимъ изданіемъ, но выходилъ весьма неправильно и наполнялся статьями самого Погосскаго. По смерти его журналъ этотъ былъ пріобрѣтенъ мною. Я расширилъ программу и также началъ издавать его правильно шесть разъ въ годъ.

Разсмотрѣвъ это дѣло, комитетъ рѣшилъ остановиться на журналѣ „Досугъ и Дѣло“, но съ условіемъ, чтобы это былъ журналъ ежемѣсячный, а такъ какъ я заявилъ, что для увеличенія его объема вдвое я не имѣю средствъ, то рѣшено было войти съ всеподаннѣйшимъ докладомъ о назначеніи субсидіи, которую я получалъ до тѣхъ поръ, пока журналъ могъ издаваться на свои средства. И во все это время П. С. Ванновскій, слишкомъ скупой на казенные расходы, ни разу не отказалъ въ субсидіи.

Имѣя въ виду собрать всѣ матеріалы, касавшіеся войны 1877—78 годовъ, какъ на европейскомъ театрѣ войны, такъ и на азіатскомъ, Дмитрій Алексѣевичъ предложилъ мнѣ отправиться на Кавказъ и условиться съ В. К. Михайломъ Николаевичемъ на счетъ совмѣстной работы и присылки матеріаловъ въ Петербургъ.

Великій Князь принялъ меня въ своемъ имѣннн, въ Боржомѣ, пригласилъ меня на обѣдъ, а слѣдующій день назначилъ для дѣловаго разговора.

— Скажите, пожалуйста, началъ Великій Князь, повидимому, не безъ ироніи, чего желаетъ Дмитрій Алексѣевичъ, вѣроятно, онъ, по примѣру Мольтке, хочетъ писать исторію.

— Далекое не то, Ваше Высочество; онъ просто желаетъ сохранить всѣ матеріалы, чтобы облегчить трудъ будущему историку, для чего и просить, чтобы все, касающееся этой войны, было прислано въ Петербургъ въ военно-историческую комиссію.

Категорическаго отвѣта на мои слова я не получилъ. Послѣ нѣкотораго молчанія Великій Князь сказалъ:

— Ну, хорошо, я пришлю вамъ завтра полковника Астафьева. Вы съ нимъ и сговоритесь.

О чемъ было сговариваться послѣ категорическаго заявленія о присылкѣ матеріаловъ въ Главный штабъ я не понималъ, а только догадывался, что кавказское начальство желаетъ само писать исторію, что чрезъ нѣкоторое время и осуществилъ г. Кишмишевъ.

Товарищъ мой А. А. Ильинъ открылъ литографію и вмѣстѣ съ В. А. Полторацкимъ началъ издавать для военно-учебныхъ заведеній карты военныхъ дѣйствій. Скоро Полторацкій отказался, и Ильинъ предложилъ занять его мѣсто мнѣ. Но такъ какъ я по совершенно незнакомому мнѣ дѣлу ничего не могъ внести своимъ трудомъ, то я отказался. Впослѣдствіи Ильинъ такъ расширилъ свое дѣло, издавая учебныя географическія карты, что простая литографія своими многоразличными работами обратилась въ обширное картографическое заведеніе. Тогда я посоветовалъ Ильину не ограничиваться одною картографіею, но присоединить и подходящую литературу, издавая замѣчательные труды по части географіи и въ особенности путешествій. Получивъ на то его согласіе, я приступилъ къ изданію замѣчательныхъ иностранныхъ сочиненій. Могу смѣло сказать, что изъ вышедшихъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ иностранныхъ географическихъ сочиненій и путешествій, сколько-нибудь замѣчательныхъ, ни одно мною пропущено не было. Всѣ они прошли чрезъ мой выборъ и мою редакцію; а это, при нашемъ всеобщемъ незнаніи ни русскаго, ни иностранныхъ языковъ, составляло не малый трудъ. Всякій, занимавшійся редакціею, хорошо знаетъ, что стоитъ найти грамотнаго переводчика, хотя по численности своей этотъ родъ дѣятеley составляетъ тысячи.

Кромѣ того, пользуясь официальными свѣдѣніями, опубликованными въ „Русскомъ Инвалидѣ“, и многочисленными корреспонденціями частныхъ газетъ, я составилъ и издалъ въ 1881 году три большихъ тома „Описаніе войны въ 1877—78 г.г.“ какъ европейской, такъ и азіатской, съ иллюстраціями.

Въ теченіе десяти или пятнадцати лѣтъ такимъ образомъ было издано болѣе пятидесяти сочиненій, относящихся къ разряду путешествій и географіи вообще. Между ними были два капитальныя изданія: одно—Всеобщая Географія Клёдена, а другое Всеобщая Географія Реклю; первое сочиненіе ограничилось только переводомъ перваго тома, Физическая Географія. Такъ какъ въ это время въ Парижѣ появилось сочиненіе Реклю, пріобрѣтшее европейскую извѣстность, то я съ Ильинымъ рѣшили у Гашета купить право перевода и всѣ клише для изданія на русскомъ языкѣ.

Въ числѣ переводчиковъ были двое, изъ которыхъ оба заслуживаютъ вниманія; оба они образованные, прекрасно знающіе иностранные языки, оба пошли по совершенно разному пути. Одинъ изъ нихъ Кравчинскій сдѣлался убійцею Мезенцова, бѣжалъ изъ Россіи и въ Англии былъ раздавленъ поѣздомъ, а другой былъ въ Россіи нелегальнымъ, оставленъ на свободѣ подъ надзоромъ и сдѣлался русскимъ министромъ. Случилась же эта метаморфоза ради бывшаго нечаевского процесса по поводу убійства студента Иванова въ Петровскомъ Разумовскомъ въ Москвѣ ¹⁾).

Нечаевъ былъ мѣщанинъ города Шуя, а по своему соціальному положенію—учитель Сергіевского приходскаго училища и въ то же время числился вольнослушателемъ въ Петербургскомъ университетѣ.

При самомъ началѣ своей дѣятельности онъ былъ арестованъ, но ему удалось убѣжать за границу, гдѣ онъ прежде всего явился къ Герцену, который, не симпатизируя ему, описалъ его очень мѣтко.

„Нечаевъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ и энергичнѣйшихъ людей, какихъ я когда-либо встрѣчалъ. Когда надо служить тому, что онъ называетъ дѣломъ, онъ не колеблется и не останавливается ни передъ чѣмъ и выказываетъ себя столь же беспощаднымъ къ себѣ, какъ и ко всѣмъ другимъ. Онъ не мошенникъ; это не правда. Это фанатикъ преданный, но въ то же время очень опасный; способъ дѣйствій его отвратительный. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что для того, чтобы создать общество серьезное и ненарушимое, надо взять

¹⁾ Суть и подробности этого дѣла см. Глинскій. Крамола, реакція и терроръ.

за основу политику Макиавеля и вполне усвоить систему иезуитовъ: для тѣла—насиліе, а для души ложь... но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сила потому, что это огромная энергія ¹⁾...

Но если Герценъ нашель качества Нечаева сомнительными и не совсѣмъ чистыми, то знаменитый революціонеръ Бакунинъ нашель его вполне подходящимъ для крайнихъ проявленій революціонныхъ дѣйствій. Прежде всего Нечаевъ напечаталъ за границей распространявшуюся и въ Россіи самую возмутительную прокламацію такъ называемой „народной расправы“ для руководства студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ этой прокламаціи говорилось между прочимъ, что будутъ издаваться листки, цѣль которыхъ не литературная и не ученая ²⁾.

„Пусть люди у которыхъ остается много времени отъ бездѣлья, продолжаютъ тѣшить себя и другихъ, праздноглагольствуя о литературѣ и о наукѣ, о просвѣщеніи и воспитаніи, о прогрессѣ и цивилизаціи! Намъ некогда“...

„Мы хотимъ народной мужицкой революціи“...

„Мы имѣемъ только одинъ отрицательный планъ—общаго разрушенія. Мы прямо отказываемся отъ выработки будущихъ жизненныхъ условій, какъ несовмѣстной съ нашей дѣятельностью, и потому считаемъ бесплоднымъ всякую исключительную теоретическую работу ума“...

„Дѣло Каракозова надо разсматривать какъ прологъ, постараемся скорѣе, друзья, чтобы наступила и самая драма“...

Для достиженія окончательной цѣли, то есть для уничтоженія государства, рекомендовалось прежде всего обратить все вниманіе и силы на уничтоженіе всѣхъ тѣхъ, ясно бросающихся въ глаза препятствій, которыя могутъ особенно помѣшать возстанію и затруднить его ходъ. Главнѣйшія изъ этихъ условій суть:

1. „Тѣ изъ лицъ, занимающихъ высшія правительственныя должности и сосредоточивающихъ власть надъ высшими силами, которыя особенно усердно выполняютъ свои начальническія обязанности.“

2. Люди, обладающіе большими экономическими силами и средствами и употребляющіе эти силы исключительно для себя и своего сословія или для пособій государству.

3. Люди, разсуждающіе и пишущіе по найму, то есть, публицисты, подкупленные правительствомъ и литераторы, лестью

¹⁾ Глинскій. Крамола, реакція и терроръ. „Ист. Вѣс.“ 1909 іюль.

²⁾ Глинскій.

и доносами, надѣющіеся добиться до административныхъ подачекъ.

Первыхъ надо положительно истреблять безъ всякихъ разсужденій.

У вторыхъ надо отбирать ихъ экономическія силы и средства и употребить для дѣла народнаго освобожденія, а въ случаѣ невозможности отобрать, слѣдуетъ — уничтожить эти силы и средства.

Третьихъ заставить молчать тѣми или другими способами (хотя бы лишеніемъ языка). Теперь опредѣленнѣе и ближе къ сущности, а главное къ началу дѣла“.

Но Нечаевъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ не дюжиннымъ организаторомъ. Для общества Народной воли имъ былъ составленъ подробный уставъ, въ который входятъ: 1. Общія правила организаціи. 2. Общія сѣти для отдѣленій. Отношенія революціонера къ самому себѣ. 3. Отношенія революціонера къ товарищамъ по революціи. 4. Отношенія революціонера къ обществу. 5. Отношенія товарищества къ народу.

По возвращеніи изъ-за границы, онъ занялся пропагандой между студентами высшихъ учебныхъ заведеній и между прочимъ и въ Петровско-Разумовской академіи въ Москвѣ.

Не стѣсняясь никакими средствами, онъ устранялъ съ своего пути всякаго, кто казался ему подозрительнымъ и даже просто сомнѣвающимся въ его главенствѣ среди партіи. И за это прежде всего поплатился одинъ изъ студентовъ Петровско-Разумовской академіи, Ивановъ, который не только не вѣрилъ главенству Нечаева въ партіи, но даже сомнѣвался въ самомъ существованіи партіи.

И вотъ несчастнаго Иванова, приговореннаго Нечаевымъ къ смерти, Николаевъ, Успенскій, Прыжовъ и Кузнецовъ обманомъ ведутъ подъ предводительствомъ Нечаева въ глухую часть парка и тамъ безжалостно душатъ его на смерть, а трупъ бросаютъ въ прудъ.

Совершивъ это злодѣяніе, Нечаеву удалось бѣжать въ Швейцарію, откуда онъ однако былъ выданъ и заключенъ въ крѣпость.

Представъ передъ судомъ, онъ держалъ себя крайне дерзко, утверждалъ, что онъ выданъ вопреки международному праву, почему судъ не имѣетъ права судить его.

Сидя въ Алексѣевскомъ равелинѣ, онъ умудрился войти въ сношеніе съ революціонерами внѣ крѣпости, намѣревавшимися убить Императора Александра II, писалъ прокламацію къ войскамъ и рекомендовалъ для революціонныхъ дѣйствій Желябова, отличавшагося особою энергіею.

Въ нечаевскомъ процесѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей, фигурировали 87 человекъ, изъ которыхъ четыре лица приговорены къ каторжной работѣ, двое къ ссылкѣ, двадцать семь къ тюремному заключенію, а остальные оправданы за недостаткомъ юридическихъ уликъ. Но и оправданные все-таки заплатились: кто былъ административно высланнымъ, а кто получилъ такую аттестацію, что нигдѣ не могъ найти себѣ мѣста. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ нѣкто К., человекъ умный и образованный и очень способный. Посидѣвъ въ крѣпости и очутившись на свободѣ, онъ нигдѣ не могъ пристроиться. Хотя судомъ онъ не былъ обвиненъ, но какъ имя его было на судѣ, и онъ просидѣлъ нѣкоторое время въ крѣпости, то сдѣлался человекомъ съ волчьимъ паспортомъ. И вотъ однажды, придя ко мнѣ, онъ завелъ такую рѣчь:

— Я, Сергѣй Павловичъ, имѣю къ вамъ большую просьбу, и если вы исполните, то я буду очень вамъ благодаренъ.

— Что же именно вамъ угодно?

Разсказавъ свое положеніе и добавивъ, что даже люди близкіе отказываются принять въ немъ участіе, онъ сказалъ:

— Не можете ли вы мнѣ оказать какое-нибудь содѣйствіе, чтобы вывести меня изъ этого положенія.

Признаюсь, что меня сначала это очень озадачило; что я могъ сдѣлать человеку, судьба котораго зависѣла исключительно отъ III отдѣленія, съ которымъ я не имѣлъ никакого дѣла.

— Просьба ваша, Вл. Ив., ставить меня въ тупикъ. Генераль Дрентельнъ не находится со мною въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Разсчитывать, что онъ исполнитъ мою просьбу, съ моей стороны было бы самонадѣянностію, а получить отказъ всегда непріятно. Я убѣжденъ, что просьба моя будетъ совершенно бесполезна.

— Но отчего вы не хотите попробовать? вѣдь вамъ это ничего не стоитъ. Попробуйте.

— Ну хорошо, я попробую; только не ласкайте себя надеждою.

На слѣдующій день, надѣвъ мундиръ, я отправился въ III отдѣленіе. По докладѣ обо мнѣ, я былъ тотчасъ же принятъ генераломъ Дрентельномъ.

— Что вамъ отъ меня угодно? спросилъ онъ.

— Я имѣю просьбу къ Вашему Высокопревосходительству объ одномъ политическомъ преступникѣ.

— А именно?

— О К., который былъ судимъ по Нечаевскому дѣлу, обвиненъ не былъ, сидѣлъ въ крѣпости и теперь ему всюду закрыта дорога, а между тѣмъ до этого дѣла онъ состоялъ на службѣ.

Генераль Дрентельнъ, подумавъ немного, спросилъ:

— А вы, Ваше Превосходительство, можете за него поручиться?

— Вамъ извѣстно, отвѣчалъ я, что теперь такое время, что если мои собственныя дѣти не были бы при мнѣ, то я затруднился бы отвѣчать на этотъ вопросъ.

— Но вѣдь если вы за него просите, то должны знать, что это за человѣкъ.

— Я его знаю, какъ добросовѣстнаго и образованнаго человѣка, и слышалъ въ этомъ отношеніи одобрительные отзывы о немъ въ мѣстѣ бывшей его службы¹⁾. Словомъ, Ваше Высокопревосходительство, Ковалевскому предстоятъ двѣ дороги: или къ намъ или къ нимъ, третьяго выбора нѣтъ, и отъ васъ зависитъ направить на ту или другую дорогу.

— Ну, хорошо, сказалъ Дрентельнъ, дайте записку, я велю навести справку, и если Ковалевскій послѣ своего дѣла ни въ чемъ замѣченъ не былъ, то я не буду препятствовать поступить ему на службу. А васъ я увѣдомлю.

Записка была подана 23 ноября, а 28 ноября я уже получилъ слѣдующую бумагу.

3 Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярія, 3 Экспедиція, 28 ноября 1878 г. № 4940.

Милостивый Государь
Сергѣй Павловичъ!

По докладѣ Г. Главному Начальнику III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярія записки Вашего Превосходительства отъ 23 ноября на счетъ кандидата сельскаго хозяйства Владиміра Ивановича Ковалевскаго Его Высокопревосходительство поручилъ мнѣ сообщить Вамъ, что если Ковалевскій будетъ принятъ къ-либо на службу, то со стороны III Отдѣленія препятствій не будетъ. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляетъ учебная часть и прокуратура, куда Ковалевскій вслѣдствіе своего прошлаго допущенъ быть не можетъ.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

II. Черевинъ.

Получивъ такое удовольствіе, я тотчасъ же самъ повезъ эту бумагу директору департамента В. И. Вешнякову.

— Вотъ вамъ разрѣшеніе принять на службу Ковалевскаго.

Прочитавъ бумагу, Вешняковъ сказалъ:

— Я очень радъ за него; это очень полезный работникъ, дайте мнѣ письмо Черевина, я пошлю его Валугу, чтобы онъ могъ безъ опасенія принять въ министерство Ковалевскаго.

¹⁾ Я зналъ директора департамента В. И. Вешнякова.

Больше мѣсяца прошло времени, а я не получалъ никакого отвѣта. Наконецъ 5 января 1879 года я получилъ бумагу:

М. Г. И. Директоръ Департамента Земледѣлія и Сельской Промышленности, 5 января 1879 г. № 17.

Милостивый Государь
Сергѣй Павловичъ!

По докладѣ мною Господину Министру Государственныхъ имуществъ возвращаемаго при семъ письма къ Вашему Превосходительству свиты Его Величества генерала Черевина отъ 28 ноября 1878 г. за № 4940, Его Высокопревосходительство изъявилъ согласіе принять кандидата сельскаго хозяйства, отставного прапорщика Владиміра Ковалевскаго на службу въ департаментъ Земледѣлія и Сельскаго Хозяйства, но предварительно распоряженія по этому предмету вошелъ въ сношеніе съ Г. Главнымъ Начальникомъ III отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Имѣю честь увѣдомить о семъ Ваше Превосходительство, покорнѣйше прося принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

В. Вешняковъ.

Неизвѣстно, почему Валуву понадобилась вторичная справка, когда онъ имѣлъ уже въ рукахъ письмо Черевина. Но какъ бы то ни было, результатомъ дѣла Ковалевскаго было то, что онъ принятъ на службу и впоследствии былъ товарищемъ министра.

Въ 1898 году Ванновскій оставилъ министерскій постъ, и всѣ были увѣрены, что на этотъ разъ постъ этотъ займетъ вполне его достойный Обручевъ. Можно представить себѣ всеобщее изумленіе, когда узнали, что министерское кресло занялъ не Обручевъ, а Куропаткинъ, котораго до тѣхъ поръ знали, какъ слѣпого исполнителя распоряженій Скобелева, при которомъ онъ состоялъ во время войны 1877—78 гг. Затѣмъ являлся другой вопросъ: кто могъ его рекомендовать? И общій голосъ называлъ Ванновскаго, который однако до самой своей смерти отрекался и даже сердился, когда ему это ставили въ вину.

При Куропаткинѣ я оставилъ службу, почему и оканчиваю свои наброски, ибо имя г. Куропаткина уже и безъ меня занесено на скрижали Русской Исторіи.

С. П. Зыковъ.

